

МАРИНА ЖУКОВА,
солистка театра,
Заслуженная артистка России

Мы сидим с ней в большой репетиционной комнате. Только что закончилась репетиция «Царской невесты», где Марина готовит партию Марфы. Те, кто ходит в Новую Оперу постоянно и не пропускает премьер, конечно, сразу вспомнят эту солистку – тоненькая фигура, выразительные глаза, голос – светлое колоратурное сопрано, легкий, прозрачный, как весь облик Марины, освещенный изнутри каким-то внутренним светом. Вспомнят её, потому что в спектаклях Новой Оперы Жукова спела почти все лирико-сопрановые партии, спела талантливо, ярко, артистично – увидев эту певицу на сцене, забыть её уже невозможно. Образы, ею созданные, – это тема особого повествования, особый рассказ, который следовало бы написать о Марине Жуковой. Здесь и сейчас достанет места лишь перечислить то, что спела она на сцене Новой Оперы. И не только спела, нет – прожила, выстрадала, отболела в каждом такте озвученных ею жизней: Людмилы («Руслан и Людмила»), Марии Стюарт, Ксении («Борис Годунов»), Травиаты, Джильды («Риголетто»), Снегурочки, Офелии («Гамлет»). Её голос звучал во всех спектаклях, поставленных Новой Оперой в память о великих композиторах и певцах прошедших эпох: «Россини», «Viva, Verdi!», «Беллини», «Мария Каллас». Наверняка, она запомнилась зрителям в спектакле, посвященном 10-летию театра, «Брависсимо!».

- С детства я любила оперное пение. Мама работала хормейстером, поэтому дома всегда было много музыкального материала – нот, пластинок, из которых я выбирала оперные арии и, как умела, разучивала. В те годы многие девочки имели песенники – такие тетрадки, куда заносили слова любимых песен. У меня песенник почти весь состоял из арий. Самой любимой была «С подружками по ягоды» из «Снегурочки».

- Эта любовь и привела Вас в оперное искусство?

- Как вам сказать... Петь я начала рано, в детском саду, но всегда волновалась панически. Помню, на утреннике в детском саду мне нужно было

спеть песню о Снегурочке – «Меня все звери знают, Снегурочкой зовут...» Так я зарыдала, убежала куда-то на чердак, где меня еле нашли. Страх перед выходом на сцену преследовал меня всю жизнь и очень мешал певческой карьере. Чтобы ездить, участвовать в конкурсах, нужна смелость, а я вечно дрожала, как осиновый листок, поэтому отказывалась от многих возможностей выступить, показаться. Но, видно, этот страх мне на роду написан. Говорят, что он перешел ко мне от мамы, которая, беременная мной, защищала диплом в Гнесинке и страшно волновалась.

- Мама – хормейстер, наверное, с детских лет готовила дочку к музыкальной стезе?

- Да нет. В детстве я, конечно, ходила в музыкальную школу, но параллельно училась в английской школе, занималась волейболом и ещё много чем. После детского садика я уже нигде не пела соло, да и в хоре – до ансамбля Локтева – нигде не занималась. А в локтевский хор попала случайно. Мама, которая там работала, однажды взяла меня с собой на гастроли. В качестве дочки ехать было неудобно, поэтому мне дали форму, ноты и сказали: «Выучи это». Было мне лет 12-13. Помню свои первые ощущения: сижу во вторых сопрано, что пою – не знаю, потому что себя не слышу. Потом привыкла. А когда вернулась в Москву, бросить ансамбль уже не смогла – увлеклась.

С того момента я стала учиться петь: пошла к вокалистке, она меня прослушала, и я ей понравилась. Ольга Ивановна Бирюкова была изумительным человеком и педагогом. В свои 73 года она прекрасно пела арии, романсы. Именно она

Вешаяка N. — 2004 — ноябрь — с. 3-4